

го, ісламського, тому в українському суспільстві очевидні розходження й навіть протистояння щодо культурно-цивілізаційних орієнтацій. Належність України до периферійних зон декількох цивілізацій дозволяє визначити її приналежність до розколотих цивілізацій» [2, с. 188–190].

На наш погляд, розглянуті концепції кризи політичної ідентичності в Україні доводять складність і суперечливість цього процесу. Всі вони мають право на існування, оскільки підтверджуються науковим аналізом, політичною практикою і повинні враховуватися при формуванні державної політики ідентичності.

ЛІТЕРАТУРА

1. Huntington S. Who are we? The Challenges to America's National Identity / S. Huntington. – N. Y. ; L. ; Toronto ; Sydney, 2004. – P. 12–13.
2. Троян С. Сучасна Україна: від локальної цивілізації до консолідації суспільства / С. Троян // 20 років незалежності України: здобутки, втрати і стратегії майбутнього : матеріали XI наук.-практ. конф. — К. : Нац. акад. упр., 2011. – 404 с.
3. Нічога М. Зіткнення цивілізацій посеред України [Електронний ресурс] / М. Нічога. – Режим доступу: <http://www.pravda.com.ua/articles/2010/06/11/5126765/>.
4. Нічога М. Діагноз: криза ідентичності [Електронний ресурс] / М. Нічога. – Режим доступу: <http://www.pravda.com.ua/articles/2010/06/25/5166756/>.

Д. В. Прошин, кандидат исторических наук, доцент, г. Днепропетровск

СОСТОЯНИЕ ТЕРРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УКРАИНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ознакомление с результатами работы некоторых отечественных террологов показывает, что украинские специалисты, как правило, разделяют наиболее расхожие из тех оценок, которые дают терроризму их зарубежные коллеги. Это свидетельствует о том, что украинской школе террологических исследований еще предстоит длительный путь к обретению большей самостоятельности и глубины анализа.

Повторяющиеся рассуждения о невиданном росте террористической угрозы на рубеже XX–XXI вв., коренных изменениях в характере этой угрозы, появлении невиданных, трудноконтролируемых форм террористической активности и т. д. — все это, надо полагать, одновременно дает авторам комфортное чувство «знакомой территории» и убеждает как окружающих, так и самих этих авторов в особой актуальности проводимой работы. Однако следует подчеркнуть, что украинские (и зарубежные) террологи,

привычно рассуждающие о беспрецедентном «новом» терроризме, вольно или невольно — и во всяком случае весьма серьезно — искажают картину реального положения дел.

В западной террорологии уже сравнительно давно началась масштабная дискуссия о «старом» и «новом» терроризме, точнее, об оправданности самой парадигмы качественного разрыва между неким «новым» и «старым» терроризмом. Противниками этой парадигмы, к числу которых относятся специалисты мирового уровня (такие как М. Креншоу), приведены весьма убедительные доводы против упрощенной дихотомии. По их мнению, нет решительно никаких убедительно верифицируемых доказательств того, что рубеж XX–XXI вв. стал временем возникновения гомогенной и устойчивой новой и более опасной разновидности (или разновидностей) терроризма. За такие доказательства, разумеется, выдаются крупномасштабные теракты последних двадцати лет; возникновение «сетевого» террористического подполья; радикализация элементов мусульманской диаспоры в Западной Европе и Америке; действия террористов-одиночек (именуемых на Западе «одинокими волками») и др. Все эти феномены, безусловно, заслуживают пристального внимания. Однако при этом они должны быть помещены в надлежащий контекст — как ретроспективный, так и современный. Результаты же подобных аналитических процедур показывают, что в большинстве случаев проявления якобы «нового» терроризма отнюдь не беспрецедентны; что своей частотой — и в большинстве случаев смертоносностью — они не отличаются сколь-нибудь существенным образом от терактов сорока- или пятидесятилетней давности; что новые формы организации террористической активности (там, где новизна действительно наблюдается) отнюдь не делают этот так называемый «новый» терроризм однозначно опаснее «старого»; что наряду с «новыми» формами терроризма в наши дни сохраняются — и весьма активно обнаруживают себя — традиционные, «старые» формы, и т. д.

За снижением градуса сенсационной беспрецедентности фантомного «нового» терроризма должно последовать переключение украинских исследователей на более «прозаические», но также более вещественные характеристики террористической деятельности, причем как на преимущества, так и на слабости акторов терроризма в их противодействии властям. Изучение слабых мест терроризма, осознание его имманентной уязвимости не означают самоуспокоения, а говорят о трезвости и вдумчивости подхода к проблеме (и, естественно, о готовности использовать слабости терроризма против самих террористов). Так, рассуждения о «невиданных опасностях», исходящих от современного терроризма, заслоняют проблемы форм и характера взаимодействия террористических группировок с их конституентной базой (и значительной нестабильности этого взаимодействия); проблемы

внутренней организации террористических группировок и чисто управленческих, «бюрократических» ограничений, с которыми они сталкиваются (уделить внимание данной проблеме намного перспективнее, чем снова и снова рассуждать едва ли не о «бессмертии» современных террористических групп, которые в действительности весьма далеки от организационных совершенства и эффективности).

Освободившись от шаблонных оценок и подходов к исследуемым явлениям, украинская террология сможет внести значительно больший вклад в понимание природы терроризма, действительно представляющего заметную проблему (сегодня, как и двадцать или пятьдесят лет назад). Быть может, несколько парадоксальным образом, более спокойный подход к террористической опасности принесет в противодействии ей больше пользы, чем экзальтированные призывы всеми доступными силами отражать атаки некоего фантомного мирового зла.

С. В. Рудницький, кандидат філософських наук, доцент, м. Житомир

ПОЛІТИКО-КУЛЬТУРНІ ІНТЕРЕСИ ПОЛЬСЬКОЇ НАЦІОНАЛЬНОЇ МЕНШИНИ НА ТЛІ ТРАНСФОРМАЦІЙНИХ ПРОЦЕСІВ У СУЧАСНІЙ УКРАЇНІ

Стан задоволення потреб польської групи як однієї з національних меншин України виступає показником розвитку Української держави і суттєво впливає на польсько-українські відносини. Серед суспільних інтересів, викликаних різноманітними потребами польської меншини, вирізняються інтереси у культурній сфері, оскільки культурні потреби диференціюють групу більшою мірою, ніж потреби нижчого рівня. Задоволення інтересів, викликаних культурними потребами, великою мірою залежить від реалізації політичних інтересів, оскільки саме їх забезпечення відкриває шлях до реалізації інтересів в інших сферах. Саме ці чинники дозволяють говорити про політико-культурні інтереси польської громади, а також актуалізують аналіз їх забезпечення на тлі трансформаційних процесів у сучасній Україні.

Звернення до наукової літератури дає змогу стверджувати, що є численні роботи, присвячені історії польської меншини в різні періоди розвитку України, серед яких треба виокремити монографію О. Калакури [1]. Українські політологи О. Коляса [2], Л. Радченко [3], Г. Потеряйко [4] та ін. досліджували інтереси і групи інтересів, у тому числі в етнічному вимірі; В. Гажаман розглянув задоволення етнокультурних потреб поляків України [5]. Але аналіз політико-культурних інтересів української полонії не став